

Конструкция
с предлогом *на*
и винительным
падежом в
значении адресата
при глаголах
говорить и *сказать*
в некоторых
южнорусских и
западнорусских
говорах

Na with the
Accusative:
Marking the
Addressee of
Speech in some
Western and
Southern Russian
Dialects

Роман Витальевич Ронько

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики» / ИРЯ РАН им.
В. В. Виноградова,
Москва, Россия

Roman V. Ronko

National Research University Higher
School of Economics / Vinogradov
Institute of Russian Language of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Цитирование: Ронько Р. В. Конструкция с предлогом *на* и винительным падежом в значении адресата при глаголах *говорить* и *сказать* в некоторых южнорусских и западнорусских говорах // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 277–296.

Citation: Ronko R. V. (2021) *Na* with the Accusative: Marking the Addressee of Speech in some Western and Southern Russian Dialects. *Slověne*, Vol. 10, № 2, p. 277–296.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.11

Резюме

В литературном русском языке адресаты речи маркируются дательным падежом, в центре нашего исследования конкуренция между конструкциями со «стандартным» маркированием адресата и конструкциями с предложом *на*, сочетающимся с адресатом в винительном падеже. Исследование базируется на материале трех диалектных корпусов. Это данные из корпуса говора села Роговатое (Старооскольский район, Белгородская область), корпуса говора села Малинино (Хлевинский район, Липецкая область) и Опочецкого корпуса (Опочецкий район, Псковская область). Также к исследованию привлекаются данные из литературы, доступных сборников текстов и корпусов, которые позволяют получить карту и сделать некоторые лингвогеографические выводы. Для анализа в статье используется идея О. Н. Селиверстовой о «компоненте агрессии» как свойстве предлога *на*. Для рассмотренных говоров в конструкции с предложом *на* выделяется две группы значений: «побуждение к действию» и «брань, неодобрение». Эти две группы значений мы можем рассматривать как стадии семантического сдвига. По сравнению со стандартным маркированием адресата данная конструкция способна выражать не исключительно передачу информации. Стандартная конструкция с дательным падежом в свою очередь обычно не выражает самое агрессивное значение «брань, неодобрение».

Ключевые слова

предлоги, аккумулятив, датив, падеж, адресат, лингвистические карты

Abstract

In this paper we will consider a construction with a preposition *na* (on) and an addressee of speech with verbs *govorit'* (to speak) and *skazat'* (to say) in some Southern Russian and Western Russian dialects. In standard Russian, the semantic role of the addressee of speech is marked with the dative case. We will focus on the examples from Russian dialects that use a different marker of the addressee of speech: the preposition *na* with the accusative case. The research is based on the data extracted from several dialectal corpora, including the Rogovatka corpus (Starooskolsky district, Belgorod region), the Malinino corpus (Khlevinsky district, Lipetsk region), and the Opochka corpus (Opochka district, Pskov region). Thus, we analyzed Western Russian (Opochka corpus) and Southern Russian data (Rogovatka and Malinino corpus). Constructions with the preposition *na* can have several meanings that can be distinguished into 2 groups: contexts with invectives and contexts that contain an impulse (motivation) to action. In the paper, we will consider these two groups of meanings as three stages of a semantic shift. We can suggest that the metaphorical transition of the construction occurs as follows: 1. A surface of a real physical object; 2. A sound wave on a surface, in which the addressee of speech acts with a component of aggression; 3. Influence and control of this addressee.

Keywords

prepositions, accusative, dative, case, addressee, linguistic maps

1. Введение

В данной работе мы рассмотрим одну конструкцию с предлогом *на* и адресатом при глаголах говорения в некоторых южнорусских и западно-русских диалектах. В литературном русском языке семантическая роль адресата при глаголах говорения маркируется дательным падежом:

- (1) *Я ему говорю: ты же нерусский, Чуйкин! Смеется...* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001), НКРЯ).

Объектом нашей работы будут диалектные примеры, в которых адресат говорения выражен конструкцией предлог *на* + винительный падеж (далее *на+ВП*).

Иллюстрацией данной конструкции служат примеры 2–4:

- (2) *А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
- (3) *Перяводчик на мяня и говорит, их пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают меня: «Что? Какие?»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
- (4) *А я на супругу говорю: давай ка перякром крышу* (деревня Пуршево, Опочецкий район, Псковская область).

Необходимо заметить, что те же информанты используют и «стандартный» дательный падеж для обозначения адресата при глаголах речи:

- (5) *Ну а мальчишки нам сказали: вы, — говорят, — садитесь на дровни сзади, как будем под гору спускаться, вы свалитесь в снег, а мы когда к кустам будем подъезжать, тогда свалимся* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
- (6) *Вот она приехала, нам сказала* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);
- (7) *А он, ничаво не говоря нам, пошел* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область).

Цель нашей работы — изучение конструкций с предлогом *на* и адресатом при глаголах речи в западных¹ среднерусских и южнорусских говорах.

А. М. Пешковский описывает 4 функции конструкций с предлогом *на+ВП*: пространственную (поверхность предмета), временную, цели и средства действия [Пешковский 1938: 287]. Основное значение предлога

¹ Все единицы диалектного членения даются в соответствии с классификацией, содержащейся в работе [Захарова et al. 1970].

на — пространственное, а именно «функция опорной поверхности» [Селиверстова 2000; Кустова 2001].

Связь пространственного значения предлога *на* со значением, которое выражено в примерах 2–4, принято рассматривать как семантический переход, метафору, см., например: [Lakoff, Johnson 1980/2003, Talmy 2000]. Метафоре пространственных показателей посвящена обширная литература. Особенно тщательно рассматривается временная метафора пространственных показателей [Haspelmath 1997]. «Одна из задач когнитивного анализа семантики предлогов — проследить, как исходная пространственная схема распространяется (“расширяется”) на непространственные ситуации и метафорические пространства» [Кустова 2001: 141].

Употребление предлога *на* в русском литературном языке рассматривалось в различных работах по семантике предлогов, см., например: [Селиверстова 2000; Кустова 2001]. В частности, в этих работах утверждается, что некоторые глаголы имеют в семантике компонент «агрессивность», другие его не имеют. Глаголы, которые имеют подобный компонент, часто способны сочетаться с предлогом *на*. Вследствие этого можно считать, что этот компонент может входить в семантику предлога *на* [Селиверстова 2000: 213]. О. Н. Селиверстова утверждает, что, вероятно, компонент «агрессивность» у предлогов *на*, *оп*, *sur* связан с тем, что в их семантике заложено представление о функции опоры, что предполагает действие траектора (субъекта движения или местонахождения) на ориентир [Ibid.: 214]:

(8) *Бросился на нее с кулаками* [Ibid.: 213];

(9) *Бросился в ее объятия* [Ibid.: 213].

В восьмом и девятом примере употребляется один и тот же глагол, однако в примере 8, по мнению Селиверстовой, «она» выступает опорой для кулаков, что объясняет необходимость предлога *на* в данном контексте. В примере 9 отсутствует идея опоры и присутствует идея окружения ориентиром. Кроме того, данный контекст не подразумевает агрессии, для него предлог *на* не подходит.

В русском литературном языке существуют лексемы передачи информации, которые позволяют использовать конструкцию с предлогом *на*. Это лексемы с общим значением ‘ругаться’ (*ругаться*, *кричать*, *материться*, *орать*, *брехать* и др.). Например:

(10) Он краснеет весь. **Кричит на меня:** «Это что, взятка? Взятка, да?!»
А сам слюну глотает... (Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)).

В данных лексемах реализуется компонент «агрессивность». Селиверстова рассматривает глагол *кричать* как «глагол движения, предполагающий перемещение звуковой волны, несущий определенную информацию, но при этом цель действия не передача информации, а «нападение» на Y [Y — ориентир. — P.P.]» [Селиверстова 2000: 214].

В НКРЯ встречаются редкие употребления конструкции с предлогом *на* и адресатом при глаголах говорения, в семантике которых не содержится компонент «агрессивность»:

- (11) *И что бы ты ни говорил на меня на суде, что бы ты ни свидетельствовал* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

В примере 11 в глаголе говорить содержится значение ‘наговаривать’. Здесь местоимение *меня* — не адресат, а объект или ориентир, на который совершается наговор. Такие примеры содержатся во многих русских говорах (см. примеры в [Малышева 2018]). В примерах 12–14 мы видим более экзотические конструкции, речь о которых пойдет дальше.

- (12) *Старик первый вылез помолиться, пошел в какую-то комнату, женщины тоже. Хозяин говорит на меня: «Ты сиди, пока я встану». Налил еще вина, выпил сам, налил и мне поднес: «Пей, спать лучше будешь». Я немножко глотнул и отказался.* (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3–4 (1983)).

Здесь Лихоносов, проживший большую часть жизни в Краснодаре и Краснодарском крае, возможно, демонстрирует интересующую нас диалектную конструкцию.

Примеры 13–14 принадлежат С. Т. Семенову, произведения которого посвящены описанию крестьянского быта и содержат попытки имитации диалектной речи. В примере 13 пытается воспроизводить диалектную речь, эту же конструкцию в четырнадцатом примере мы таким же способом объяснить не можем:

- (13) *Ну-ка, говорит на меня, поди сюда. Я подошел.* (С. Т. Семенов. Катюшка (1899));
- (14) *Что ты орешь-то, аль плохо наелся за завтраком? — сказал на него Машистый. — Я-то всегда хорошо ем, вот ты-то под старость без хлеба не насидись, — огрызнулся Восьмаков. — Авось бог милостив.* (С. Т. Семенов. Односельцы (1917)).

В задачи нашего исследования входит: 1) провести корпусное исследование конструкции с адресатом при глаголах говорения в некоторых

южнорусских и западных среднерусских диалектах; 2) описать механизм выбора между данными конструкциями. Дальнейшее изложение в данной статье будет устроено следующим образом: в разделе 2 мы приведем обзор данных, на которых строится наша работа. В разделе 3 мы анализируем конструкции с адресатом, маркированным дательным падежом при глаголах *говорить*, *сказать* или с эллипсисом глагола в диалектных корпусах. В разделе 4 мы рассматриваем конструкции с адресатом, маркированным предлогом *на* и винительным падежом. В разделе 5 мы говорим о распространении данной конструкции, и в заключении мы обобщаем результаты исследования.

2. Данные

Настоящая работа основана на данных, извлеченных из диалектных корпусов, созданных на базе международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ и отдела диалектологии и лингвистической географии ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова. В этих разных по объему диалектных корпусах представлены образцы среднерусских и южнорусских говоров в их современном состоянии.

1. Корпус говоров деревень, расположенных к северу от города Опочка [Ронько et al. 2019], объемом 49654 токенов (Опочецкий район Псковской области). Данные говоры относятся к среднерусским говорам Псковской группы.

2. Корпус говора с. Роговатое объемом 100047 токенов [Тер-Аванесова et al. 2018] (Старооскольский район Белгородской области). Данный говор относится к южнорусскому наречию, Оскольской подгруппе межзональной группы Б.

3. Корпус говора с. Малинино [Тер-Аванесова et al. 2019] объемом 139039 токенов (Хлевенский район Липецкой области). Данный говор относится к южнорусскому наречию, восточной (рязанской) группе говоров.

Кроме корпусов, рассмотрены материалы из сплошной расшифровки аудиозаписи речи двух информантов объемом 4747 словоформ, являющихся носителями опочецких говоров, речь которых в настоящий момент не входит в упомянутый корпус, а также материалы работы [Дьяченко et al. 2018], посвященной описанию говоров Опочецкого района.

Важно отметить, что материал говора села Роговатое, рассмотренный в данной статье, отличается от материала, рассмотренного А. В. Малышевой в статье [Малышева 2018], в которой исследуется корпус расшифрованных текстов говора с. Роговатое объемом около 80000 словоформ (на данный момент не опубликован).

Из этих корпусов были извлечены конструкции с адресатом при глаголах говорения, а именно: *говорить, сказать*.

Сначала был осуществлен поиск примеров, где адресат был выражен предлогом *на* и именем в ВП, а после — «стандартных» конструкций, в которых адресат маркирован дательным падежом без предлога. Полученные данные представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Распределение адресатов, маркированных предлогом *на+ВП* и дательным падежом

Источник	<i>на+ВП</i>	ДП
Опочка (информанты НИМ 1934 и ИВЕ 1949, [Дьяченко et al. 2018])	6	4
Опочецкий корпус	3 (27%)	8 (73%)
Малинино (корпус)	9 (30%)	21 (70%)
Роговатое (корпус)	3 (12%)	22 (88%)

В таблице 1 представлен весь релевантный материал, который был извлечен нами из трех корпусов и двух источников по опочецким говорам. Этих данных не хватает для статистического анализа, однако мы можем убедиться, что в одних и тех же диалектных системах сосуществуют два варианта маркирования адресата речи.

В нашей работе мы собираемся сравнить контексты, в которых адресат маркирован дательным падежом, и контексты, в которых адресат маркирован предлогом *на* и показателем винительного падежа. В свете работы Селиверстовой и идеи о семантическом компоненте воздействия, заложенном в предлоге *на*, мы предполагаем наличие семантической разницы между этими конструкциями. Мы рассмотрим несколько значений, которые могут выражать глаголы *говорить* и *сказать* в сочетании с адресатом (который может быть выражен двумя указанными способами): значение, в котором компонент агрессии доминирует (брань, неодобрение, ирония, увещевания и проч.), значение побуждения к действию или воздействия (приказы, просьбы...), и основное значение — значение передачи информации без компонента агрессии и побуждения к действию.

3. Конструкции с адресатом, маркированным дательным падежом, при глаголах *говорить, сказать*

3.1. Данные опочецкого корпуса

Данные рассмотренных диалектных корпусов подтверждают распределение, описанное Малышевой. В Опочецком корпусе встретилось 8 примеров с адресатом в дательном падеже. В примерах 15–20 глаголы

сказать и *говорить* употреблены в значении «передача информации» и не содержат семантического компонента агрессии или побуждения:

- (15) Девочки, ну почему против, я же **вам** ничего плохое не **сказал**, то, что есть в жизни, было, что я знал, то **сказал**² (т. е. не сказал глупости или неправды).
- (16) я выхожу и **говорю ему**: приехали до Опочки.
- (17) Коренных жителей нет. Нет, я **вам говорю**.
- (18) Время помирать. Я когда **Вите говорю**, я говорю: «Время помирать».
- (19) Сынок, что ты сделал, что тебя с границы отпустили? Он никого **ему** не **сказал**. Не положено.
- (20) Я даже не видала — **мне** цыганка **сказала**. «Баб, ты погляди, помойку притащили тебе!»

В примерах 21–22 глаголы *сказать* и *говорить* помимо «передачи информации» выражают «воздействие на адресата». Это выражается императивом в прямой речи (21) и частицей *ну-ка* (22):

- (21) А я сюда приехал, **мне сказали** врачи: «Уезжай».
- (22) Быстро домой, я **тебе говорю!** Ну-ка иди на кресло, место!

3.2. Данные малининского корпуса

В корпусе села Малинино содержатся примеры при глаголах *говорить* и *сказать*, в котором адресат маркирован дательным падежом.

Так же, как и в Опочке, некоторые контексты содержат глаголы *сказать* и *говорить*, которые не выражают дополнительных значений, только «передачу информации».

- (23) Ну и Надя сказала: я лошадь продам, **ему сказала**³.
- (24) Да. Пойти **Наде сказать** (о том, что приехал ее родственник).
- (25) А я **ему говорю**, я говорю: «Я и этой Ире», — сказала, я говорю, «не посоветовался — не приехала», — я говорю, встретила его.

В примере 25 женщина сообщает своему знакомому о том, что она общилась его жене о том, что тот с ней (с говорящей) не посоветовался.

Всего в корпусе содержится 18 подобных примеров.

² Все примеры из корпусов даны в том виде, в котором они содержатся в корпусах.

³ Контекст: жена говорит мужу, который лежит в больнице в тяжелом состоянии после аварии, о его лошади. Он ей отвечает: «Не продавай, я отдохну». Помимо передачи информации в этом примере содержится попытка посоветоваться и, возможно, просьба.

В следующих примерах глаголы *сказать* и *говорить* употреблены во втором значении: конструкция с дательным падежом может выражать воздействие, которое заложено в форме императива: в (26) примере дочь оказывает давление на мать навязчивой просьбой купить ей одежду, просьба выражена императивом глагола *купить*, мать на эту просьбу не отвечает. В (27) мать пытается повлиять на действия дочери, в примере (28) содержится настойчивый совет.

- (26) Уходили, и кто пришел с войны. Отец мой не пришел. А они носят, мне хочется поносить — а мне не дают. А я, это, я говорю: «Мам, купи мне, купи!» А она ничего **мне не скажет**, а потом, когда я подросла, я говорю: «Мам, а почему ты не родила? Ты бы родила — либо брат или сестра были у меня».
- (27) Вот **дочери я ей говорю**: я тебе лучше денежку дам, только мне, я говорю, это... звони каждый день.
- (28) Возьми, я **тебе говорю**, полотенце.

3.3. Данные корпуса села Роговатое

Далее мы приведем контексты из корпуса говора села Роговатое, которые содержат адресат, маркированный дательным падежом. Девять примеров содержатся в составе идиоматического выражения «как вам сказать», приведем один пример:

- (29) Это вот отсюда где, как **вам сказать**, не могу тебе точно, ну...

В десяти примерах глагол *говорить* употреблен в первом значении передачи информации, приведем два из них:

- (30) Вот и ... ну бывает, а я **ей тоже скажу**: «Полин, ну милая, ну всю жизнь не бывает, что все как тебе клеилось».
- (31) А невестка не пошла, я ж **тебе сказала**.

Также есть два примера, в которых глагол употреблен во втором значении (значении воздействия). В примере 33 содержится требование сменить одеяло:

- (32) Ну приглашают, **мне сказали**: найди хорошую, только путевую.
- (33) А я **ей говорю**: да, мама, да смени одеяло, тянула, вещьвала.

И пример со значением передачи информации. Информантка уточняет, что употребила матерную брань в разговоре с колдуньей.

- (34) Я говорю: да! Я говорю: да — опять же матом **ей сказала**, я говорю, — да я ж не знала, что ты, я говорю, колдунья, я говорю, ну, козырнула опять.

4. Конструкции с адресатом, маркированным винительным падежом и предлогом *на* при глаголах *говорить*, *сказать* или без глагола

Опираясь на понятие «компонент агрессии» из работы Селиверстовой, мы выделяем в полученных данных два разных типа конструкций с адресатом, маркируемым падежом и предлогом *на*, которые имеет смысл различать:

1. Контексты, в которых содержится элемент агрессии, где за глаголами *говорить* и *сказать* содержится прямая речь с бранью, упреком, или разговор на повышенных тонах.

2. Контексты, в которых компонент агрессии отсутствует, но есть компонент мягкого воздействия (побуждения к действию): примеры с императивной семантикой.

Нейтральных, не экспрессивных употреблений *сказал на меня* в литературном значении *сказал мне* в нашем материале не встретилось.

В корпусе опочецких говоров содержится три примера с конструкцией *на+ВП*:

(35) *Чего это ты такую рань, думаю, уехала. — Ты ошалела, — она на меня. — Ты не даешь спать, ходишь — блудишь.*

(36) *Я, как мой сын на меня говорит: ты цистерну выпила корвалолу.*

(37) *Когда чай пить: — Мам, пойдем чай пить. Ну не пройдет так, чтоб он не пригласил или не сказал грубо на меня.*

В примере 35 отсутствует глагол говорения, однако контекст и наличие прямой речи его подразумевает. В данном примере содержится «компонент агрессии».

В примере 37 компонент агрессии содержится в самой конструкции глагол *сказать* в *опред. значении* + *на* + *ВП*. Он подчеркивается наречием *грубо*.

Примеры 35 и 37 относятся к первой группе контекстов, пример 36 ко второй. Примеры 2–4, также порожденные опочецкими информантами (но не входящие в корпус), не содержат компонента агрессии:

(2) *А на Михалыча говорит: «Иди домой за ножиком»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область);

(3) *Перяводчик на мяня и говорит, йих пятнадцать человек вот так выстроили и спрашивают мяня: «Что? Какие?»* (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область)⁴;

⁴ Контекст примера: от девочки требуют указать на конкретных людей, стоящих в шеренге.

- (4) А я **на супругу говорю**: давай-ка перякроем крышу (деревня Лаптево, Опочецкий район, Псковская область).

В примере 2 и 4 содержится побуждение к действию, выраженные глаголами в форме императива, в примере 3 глагол в форме императива отсутствует, однако ситуация подразумевает побуждение к действию.

В работе [Дьяченко et al. 2018], которая посвящена описанию говоров вокруг Опочки, есть три релевантных примера с исследуемым типом маркирования:

- (38)⁵А В'ера **на нáз**: «Зóлушк'и, а, Зóлушк'и! С'áд'ит'и вы ай н'é?» [Ibid.: 302];
 (39)А ад'ин падхóд'а и **гъвар'йт' на мáмку**: хаз'áйк, быд' дабрá, ид'и гъвар'йт', т'иб'é х'ичás фс'ó аб'ёрут', ф т'еб'á в'ижу р'аб'ат мнóга. Гъвар'йт' уже двá м'ашкá наклáд'енъ, абирáют' с той пълав'ин'е, ф т'аб'а фс'ó шшас с'в'азут' [Ibid.: 302];
 (40)И патóm вот ат'ец **на мáт' сказáл**, што ты гъставáйс'а дóма, а йа пайéду гдган'ат' скот, а патóm в'арнус' дамóй [Ibid.: 302].

В примере 38 содержится настойчивое предложение сесть. В 39 транслируется мягкое предложение хозяйке пойти домой. В примере 40 есть распоряжение оставаться дома. Во всех трех примерах в отрывке с передаваемой речью содержится императив и воздействие на собеседника.

В корпусе говоров села Малинино содержится 9 примеров с исследуемой конструкцией. Примеры 41–46 относятся к группе 1. В них отражена брань, неодобрение, упреки, насмешки и разговор на повышенных тонах.

- (41)Да Витьк, — мы **на него**, — да когда ж ты бороду отрежешь, да что ж ты такой.
 (42)А мы **на нее скажем**: Валя, на кого ж ты похож?⁶
 (43)**На кого-нибудь** вон: ты что, безмозгая, наплела? **На кого-нибудь, на чего-нибудь** вот так-то называешь иной раз.
 (44)Больная, вот эта Шурка **на нее говорит**: больная, блинцов по какой стопе печешь!
 (45)Она, энта **на нее говорит**: ты притворяешься.
 (46) **Говорит**, будь ты проклята, **на сестру** на свою, **говорит**, будь ты проклята, **говорит**.

⁵ Примеры приведены в таком же виде, как в цитируемой работе.

⁶ Контекст: маленькая девочка, рожденная вне брака, говорила вслед за своими родными по матери, что она похожа на мать своего отца, на бабушку. И у ее подруг постарше было такое развлечение: спрашивать ее, на кого она похожа? «Похож» здесь — предикатив.

В следующем примере с помощью формы глагола в императиве и предложной конструкции выражается значение побуждения:

(47) *Маруся, ступай, полведерка водички принеси, а куст подкопает, картошку вынет, а **на меня скажет**: а ты кружку воды влей под куст.*

В данном примере значение побуждения к действию сопряжено с другим тонким значением, со злоупотреблением доверчивостью ребенка: картофельный воришка взял в сообщники маленькую девочку.

Также три примера содержится в корпусе села Роговатое, примеры 48 и 49 попадают в группу контекстов 1:

(48) *А я, мадьяра-то ушел, а мы, а я **говорю на него**: пан, чтоб тебя сибирка съела, откуда (откуля) вы взялись на нашу голову.*

(49) *А она **на меня так**: ты, **говорит**, что, гребанулась? — прям вот так. — Далеко ты, грит, давала ей молоко? Я говорю: а кто знал?*

Пример 50 содержит значение схожее с примерами из второй группы. Здесь строгий отказ от действия, к которому побуждают адресата:

(50) *И **говорит на меня**: я не буду с тобою, я боюсь.*

Следует отметить, что в работе [Малышева 2018] отмечаются для данного говора и конструкции из группы 2.

На наш взгляд, эти две группы значений связаны между собой. Вторая отличается от первой тем, что компонент агрессии в ней скрыт, но тем не менее все же присутствует.

5. Географическое распространение конструкций с предлогом *на* и винительным падежом в значении адресата при глаголах *говорить*, *сказать*

Конструкции с предлогом *на* и ВП являются специфичными и встречаются только в некоторой части русских говоров. Необходимо оговориться, что в данной работе и, в частности, в этом разделе мы не рассматриваем конструкции со значением наговора, которые присутствуют в большом числе говоров и в литературном русском языке. Конструкции, рассмотренные выше, т. е. конструкции *на+ВП* со значением брани и др. с одной стороны и со значением побуждения к действию с другой, являются специфичными и редкими. Данные конструкции распространены на территории говоров южнорусского наречия и некоторых среднерусских говоров. Это явление в говорах неоднократно упомянуто в литературе. Необходимо упомянуть работу [Дурново 1903], который отмечал данную конструкцию в говоре д. Парфенки Рузского уезда Московской

губернии. Подробный обзор литературы содержится в статье Анны Малышевой [Малышева 2018], посвященной данной конструкции при глаголах говорения в говоре села Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Данная конструкция была зафиксирована на территории калужских [Чернышев 1900: 32], курских [Солодовников 1867: 70], воронежских [Гринкова 1947: 109] и межзональных говорах группы Б [Малышева 2018] на юге, смоленских [Расторгуев 1960: 154–155] и Псковских [ПОС 7: 34–35] на западе. Примеры данной конструкции обнаружены в расшифровке текстов донских говоров Волгоградской области [Касаткина 2012]. Кроме того, она типична для юго-западных говоров украинского языка, но встречается и в некоторых юго-восточных украинских говорах [Історія української мови 1983: 190–191; Добош 1978: 18–19], а также отмечена в брестско-пинских, например, в говоре д. Субботы Дрогичинского района Брестской области (в текстах Ф. Д. Климчука, цит. по [Barszczewska, Jankowiak 2012: 261]). Нормативные грамматики белорусского языка не отмечают подобные конструкции [Бірыла, Шуба 1985], опрос информантов, владеющих литературным белорусским языком, тоже не дал результатов⁷; однако данная конструкция встречается в записях текстов белорусских говоров, например в говорах Краславского р-на Латвии [Янковяк 2012: 205]. Однако в «северско-белорусском» [Расторгуев 1927] говоре села Спиридонова Буда Брянской обл. (корпус объемом 70564 словоформы [Гардер et al. 2018]), который тоже является белорусским говором, а именно северско-белорусским, таких конструкций обнаружено не было.

На карте (1) мы попытались показать территорию распространения конструкции *на+ВП* с компонентом воздействия⁸.

На данную карту нанесено 27 точек, которые указывают на населенный пункт, в котором была зафиксирована изучаемая конструкция, и 11 точек, для которых данная конструкция не зафиксирована. В тех случаях, где у нас нет информации о конкретном селе, но есть информация о районе, в котором зафиксирована конструкция, отмечены районные центры. Это три точки: Гдов [ПОС 7: 34–35], [Barszczewska, Jankowiak 2012: 261], Краслава [Янковяк 2012: 205], Пушкинские Горы [ПОС 7: 34–35]. Синими точками помечены места, где данная конструкция нами не встречена. В качестве «отрицательного материала» были

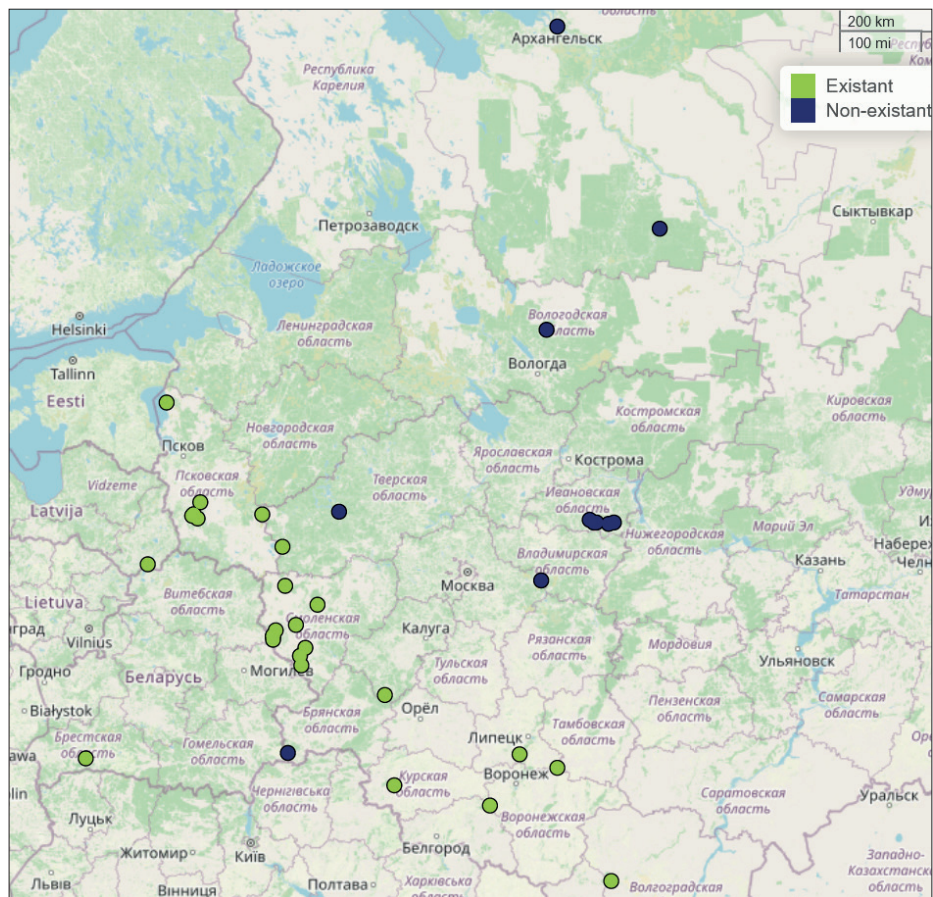
⁷ Несмотря на нормативные грамматики и опрос двух носителей белорусского языка, родившихся в Минске, поиск примеров в поисковых системах «Яндекс» и «Google» по запросам «гавариць на яго», «гавариць на мяне» дает результат: в «Яндексе» 5 примеров «гавариць на мяне», два из которых содержатся в фольклорных текстах.

⁸ Карта сделана с помощью пакета R “lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology” [Moroz 2017].

Карта 1

Распространение конструкции с предлогом *на* и винительным падежом в значении адресата (с компонентом агрессии) при глаголах *говорить*, *сказать*

отмечены точки, для которых существует большое количество опубликованных текстов (преимущественно корпуса). Так, в национальном корпусе русского языка в материалах архангельских говоров (архангельский материал НКРЯ на карте обозначен точкой в Архангельске), в Устьянском корпусе (Устьянский район, Архангельская область, объем корпуса 864057 словоформ) [Даниэль et al. 2013–2018], в базе данных по харовским говорам (Харовский район, Вологодская область, объем корпуса 3070 словоформ) [Крылов, Тер-Аванесова 2012a], в базе данных по русским говорам (село Пустоша, Шатурский район, Московская область, объем корпуса 99630 словоформ) [Крылов, Тер-Аванесова

20126] и в корпусе говоров бассейна рек Лух и Теза (Ивановская область) [Кувшинская 2020] не нашлось данных конструкций. Также не нашлось данных конструкций в собрании образцов текстов Селижаровского района Тверской области (примерно 9300 словоформ) [Николаев, Толстая 2008] и в корпусе говора села Спиридонова Буда. Отсутствие конструкций в собрании текстов Селижаровского района может быть объяснено характером текстов: описание процедуры выгона скота и сопутствующих обрядов предполагает малое количество цитации и диалогической речи, где чаще всего можно задокументировать изучаемые конструкции. Нужно сказать, что корпусный метод не дает нам возможности задокументировать отсутствие того или иного элемента языка, только наличие. Отсутствие материала в относительных корпусах может максимум сказать о статистических предпочтениях употреблять тот или иной вариант. В связи с этим особенно критично нужно отнестись к отсутствию необходимого материала в корпусе села Спиридонова Буда, которое со всех сторон окружено точками, в которых исследуемые конструкции содержатся. Карта построена по материалам обсуждаемых корпусов, указанной литературы, корпусов говора села Нехочи [Тер-Аванесова et al. 2020] (Калужская область, Хвастовичский район), говоров Хиславичского района Смоленской области [Рыко, Спиричева 2021], а также по данным диалектного подкорпуса НКРЯ, в котором было обнаружено шесть примеров конструкций *на+ВП* в Липецкой, Курской, Тамбовской, и Тверской областях. Приведем здесь весь материал диалектного подкорпуса НКРЯ:

- (51) «Ну, — **говорит на солдата**, — иди, пусть девчат кормит, что ж они голодные?» Ну, пришел, полез к ней на потолок, поскидал мясо, тогда немцы убивали скот, уводили. Ну, не поунесли, а они его сами поподбирали (НКРЯ, село Широково, Львовский район, Курская область);
- (52) *Сеяли свяклу. Да. **Говорим на тракториста**: «Сломай его»* (НКРЯ, село Кужное, Мордовский район, Тамбовская область);
- (53) «У нас ноги поотнялись!» Ну-ка по снегу в тех, в онучках в одних. Ну, и **он на военного говорит**: «Проводи их!» Он нас, правда, проводил на Ширекино, путями мы чтоб пошли. Ну мы и пошли (НКРЯ, село Широково, Львовский район, Курская область);
- (54) *А **на маму говорит**: «Ты, щас будешь нам готовить».* Мама... Говорять резать, значит, надо искать, кто резать будет (НКРЯ, село Широково, Львовский район, Курская область);
- (55) [э-э] **нѣ меня скажыть** / Нюр / иди / дочынка / пѣмаги мне там // мам / ну я никаво ни пѣнимаю (НКРЯ, село Уварово, Торопецкий район, Тверская область).

Примеры 51–55 относятся к контекстам, содержащим побуждение к действию. В примерах 51–53 и 55 содержится императив в прямой речи, в примере 54 побуждение к действию совмещено с компонентом агрессии (это видно из контекста) и выражается с помощью указания действия, которое должен совершить адресат сообщения в будущем времени.

Помимо примеров из корпусов и исследовательских работ на карту нанесена точка в деревне Шетнево Западнодвинского района Тверской области, в которой необходимые примеры нашлись в ходе полевых исследований автора:

(56) Да, и это самое, и пришел и **говорит на мамку**, собирались на утро с ней идти и снесем было эту самогонку, а он пришел и говорит: «Ой тетя Рита, поедем», говорит, «сейчас поеду в Торопу, я тебя и свезу заодно».

Глядя на карту, можно заключить, что данная конструкция находится на территории южнорусского наречия, а также на территории западной части среднерусских говоров. Большая часть точек на территории русского языка связана с территорией русско-украинско-белорусского пограничья.

Заключение

В рассмотренных говорах содержатся две модели маркирования адресата при глаголах *говорить*, *сказать*: адресат может маркироваться дательным падежом, а также конструкцией с предлогом *на+ВП*.

Эти две модели имеют нестрогое семантическое распределение, а именно конструкция с глаголами *говорить*, *сказать* и адресатом в дательном падеже выражает стандартное значение передачи информации и значение побуждения к действию, а конструкции с предлогом и винительным падежом выражают значение «побуждение к действию» или группу значений «брань, неодобрение». Оба значения конструкции *на+ВП* базируются на компоненте агрессии.

Две группы значений, которые выражаются конструкциями с предлогом, мы можем рассматривать как стадии семантического сдвига. Мы можем сформулировать следующую гипотезу: метафорический переход происходит следующим образом: Опора на поверхность реального физического объекта — опора звуковой волны на поверхность, в роли которой выступает адресат с компонентом агрессии — влияние и управление этим адресатом (при снижении агрессии). Обобщая наши материалы и материалы Малышевой, можно заключить, что по крайней мере в говорах деревень Опочецкого района, говоре села Малинино и говоре села Роговатое распределение исследуемых конструкций базируется на одинаковых принципах.

Конструкции *на+ВП* в русских говорах связаны с территорией белорусско-русско-украинского пограничья. Корпусных данных с материалом среднерусских говоров, которые позволили бы сделать строгое утверждение такого рода, на данный момент недостаточно, однако те, которые есть (данные говоров в Ивановской области, данные говора села Пустоша и малые данные по среднерусским говорам из НКРЯ), дают возможность сформулировать подобную гипотезу.

Библиография

Источники

Гардер et al. 2018

Гардер М. О., Петрова Н. С., Мороз А. Б., Панова А. Б., Добрушина Н. Р., *Корпус говора села Спиридонова Буда*, Москва, 2018 (<http://linghub.ru/spiridonovabuda>).

Даниэль et al. 2013–2018

Даниэль М., Добрушина Н., фон Вальденфельс Р., *Говор бассейна Устья. Корпус севернорусской диалектной речи, 2013–2018*. Берн, Москва (www.parasolcorpus.org/Pushkino).

Крылов, Тер-Аванесова 2012a

Крылов С. А., Тер-Аванесова А. В., *База данных по харовским диалектам* (<http://starling.rinet.ru>).

Крылов, Тер-Аванесова 2012б

Крылов С. А., Тер-Аванесова А. В., *Электронные базы данных по русским народным говорам* (<http://starling.rinet.ru>).

Кувшинская 2020

Кувшинская Ю. М., *Корпус говоров низовья рек Лух и Теза*, Москва, 2020 (<http://lingconlab.ru/lukhteza>).

НКРЯ

Национальный корпус русского языка, (<https://ruscorpora.ru/>).

Ронько et al. 2019

Ронько Р. В., Вольф Е. А., Гребенкина М. Ю., Ершова М. Ю., Охапкина А. В., Хадасевич А. С., Морозова В. А., *Корпус опочецких говоров*, Москва, 2019 (<https://linghub.ru/opochka>).

Рыко, Спиричева 2021

Рыко А. И., Спиричева М. В., *Корпус Хиславичского района Смоленской области*, Москва, 2020 (<http://lingconlab.ru/khislavichi>).

Тер-Аванесова et al. 2018

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Колесникова Е. В., Малышева А. В., Игнатенко Д. И., Панова А. Б., Добрушина Н. Р. *Корпус говора села Rogovатка*, Москва, 2018 (<http://www.parasolcorpus.org/Rogovатka>).

Тер-Аванесова et al. 2019

Тер-Аванесова А. В., Балабин Ф. А., Дьяченко С. В., Малышева А. В., Морозова В. А., *Корпус говора села Малинино*, Москва, 2019, (<https://lingconlab.ru/malinino/>).

Тер-Аванесова et al. 2020

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В., Корпечкова Е. В., Малышева А. В., Пекунова И. С., Толстая М. Н., *Корпус говора деревни Нехочи*, Москва, 2020 (<http://lingconlab.ru/nekhochi/>).

Література

Бірыла, Шуба 1985

Бірылая М. В., Шуба П. П., рэд., *Беларуская граматыка ў 2 ч., 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск*, Мінск, 1985.

Гринкова 1947

Гринкова Н. П. Воронежские диалекты, *Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. И. Герцена*, 51, Ленинград, 1947.

Добош 1978

Добош В. И., Синтаксис южнокарпатских говоров украинского языка (синтаксические функции падежей), автореф. дисс. докт. филол. наук, Ужгород, 1978.

Дурново 1903

Дурново Н. Н. *Описание говора д. Парфенок Рузского уезда Московской губернии*, Варшава, 1903.

Дьяченко et al. 2018

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В., Экспедиция в Опочечкий район Псковской области, *Русский язык в научном освещении*, 2 (36), 2018, 257–312.

Захарова et al. 1970

Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю., *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров*, Москва, 1970.

Історія української мови 1983

Історія української мови: Синтаксис, Київ, 1983.

Касаткина 2012

Касаткина Р. Ф., ред., *Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие*, Москва, 1999.

Кустова 2001

Кустова Г. И. Семантическая сеть предлога НА, *Труды Международного семинара «Диалог–2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*, Москва, 2001, 141–150.

Малышева 2018

Малышева А. В., Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре, *Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов*, Москва, 2018, 108–130.

Николаев, Толстая 2008

Николаев С. Л., Толстая М. Н., Домашний скот в обычаях восточных славян. 2 (из диалектных записей Селижаровского р-на Тверской обл.), *Исследования по славянской диалектологии*, 13: *Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем)*, Москва, 2008, 312–347.

Пешковский 1938

Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва, 1935.

ПОС

Псковский областной словарь с историческими данными, 7, Ленинград, 1986.

Расторгуев 1927

Расторгуев П. А., *Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров*, Ленинград, 1927.

——— 1960

Расторгуев П. А. *Говоры на территории Смоленщины*, Москва, 1960.

Селиверстова 2000

Селиверстова О. Н., Семантическая структура предлога на, *Исследования по семантике предлогов*, Москва, 2000, 189–247.

Солодовников 1867

Солодовников Ф. О старооскольском народном говоре, *Филологические записки*, Воронеж, II, III–IV, 1867.

Ходова 1971

Ходова К. И., *Падежи с предлогами в старославянском языке: Опыт семантической системы*, Москва, 1971.

Чернышев 1900

Чернышев В. И., Дополнения к сведениям о говоре г. Мещевска, *Сб. ОРЯС АН*, С.-Петербург, 68, 6, 1900.

Янковяк 2012

Янковяк М., *Беларускія гаворкі ў Краслаўскім раене Латвіі. Сацыялінгвістычнае дасьледаваньне*, Беласток, Вільня, 2012.

Barszczewska, Jankowiak 2012

Barszczewska N., Jankowiak M., *Dialektologia białoruska*, Warszawa, 2012.

Haspelmath 1997

Haspelmath M., *From space to time: temporal adverbials in the world's languages*, München, 1997.

Lakoff, Johnson 1980/2003

Lakoff G., Johnson M., *Metaphors we live by*, 2nd ed., Chicago, 1980/2003.

Talmy 2000

Talmy L., *Towards cognitive semantics, II: Typology and process in concept structuring*, Cambridge, 2000.

Ресурсы для построения карт

Moroz 2017

Moroz G (2017). *_lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology_* (<https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>).

References

Barszczewska N., Jankowiak M., *Dialektologia białoruska*, Warsaw, 2012.

Biryłaja M. V., Šuba P. P., red., *Bielaruskaja hramatyka ŭ 2 č.*, 1: *Fanalohija. Arfaepija. Marfalohija. Slovaŭtvarennie. Nacisk*, Minsk, 1985.

Dyachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ronko R. V., Ter-Avanesova A. V., *Dialectological expedition to Opochka district, Pskov region, Russian Language and Linguistic Theory*, 2(36), 2018, 257–312.

Grinkova N. P. *Voronezhskie dialekty, Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 51, Leningrad, 1947.

Haspelmath M., *From space to time: temporal adverbials in the world's languages*, Munich, 1997.

Jankowiak M., *Bielaruskaja havoriki ŭ Kraslaŭskim rajenie Latvii. Sacyjalinhvistyčnaje dašledavaŭnie*, Białystock, Vilnius, 2012.

Kasatkina R. F., red., *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaia khrestomatia. Iuzhnorusskoe narechie*, Moscow, 1999.

Khodova K. I., *Padezhi s predlogami v staroslavianskom iazyke: Opyt semanticheskoi sistemy*, Moscow, 1971.

Kustova G. I. *Semanticheskaja set' predloga NA, Trudy Mezhdunarodnogo seminaru «Dialog–2001» po komp'uternoj lingvistike i ee prilozheniam*, Moscow, 2001, 141–150.

Lakoff G., Johnson M., *Metaphors we live by*, 2nd ed., Chicago, 1980/2003.

Malysheva A. V., *Semantic roles marking of speech act verbs in the South Russian dialect. Issledovaniia po slavianskoi dialektologii 19–20. Slavianskie dialekty v sovremennoi iazykovoj situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov*, Moscow, 2018, 108–130.

Nikolaev S. L., Tolstaya M. N., Cattle in traditions of East Slavs. II (dialectal records from Tver' region), *Research on Slavic Dialectology*, 13: *Slavian-skie dialekty v situatsii iazykovogo kontakta (v proshlom i nastoiashchem)*, Moscow, 2008, 312–347.

Peshkovsky A. M., *Russkii sintaksis v nauchnom osvshchenii*, Moscow, 1935.

Rastorguev P. A. *Govory na territorii Smolenshchiny*, Moscow, 1960.

Rastorguev P. A., *Seversko-belorusskii govor: Issledovanie v oblasti dialektologii i istorii belorusskikh govorov*, Leningrad, 1927.

Seliverstova O. N., *Semanticheskaia struktura predloga na. Issledovaniia po semantike predlogov*, Moscow, 2000, 189–247.

Talmy L., *Towards cognitive semantics*, II: *Typology and process in concept structuring*, Cambridge, 2000.

Zakharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. Yu., *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i srednerusskikh govorov*, Moscow, 1970.

Роман Витальевич Ронько, кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
научный сотрудник
ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
romanronko@gmail.com

Received December 6, 2020